

Баранова В.В. *Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья.* М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 287 с.

Книга Влады Барановой изначально писалась как диссертация на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге под научным руководством профессора Н.Б. Вахтина. Работа посвящена языковой и этнической идентичности азовских, или мариупольских, греков, лингвистически разделенной этнической группы и греческого меньшинства нынешней Украины, которое остается недостаточно изученным. За последние двадцать лет о мариупольских греках был опубликован целый ряд главным образом исторических и лингвистических исследований по-русски, украински и гречески. Книга Барановой принадлежит к тем немногим исследованиям, в которых применяется смешанный подход, вдохновляемый одновременно антропологией и социолингвистикой.

Книга основана на антропологическом включенном наблюдении, интервью и социолингвистических полевых исследованиях, проводившихся автором в четырех населенных пунктах, в которых живут азовские греки, а также на архивных разысканиях Барановой в Петербурге, Киеве и Донецке. Среди населенных пунктов, выбранных для проведения полевых исследований, два (Ялта 2001, Малый Янисоль 2002) населены румеями (этническими греками, говорящи-

Кира Кауринкоски
(*Kira Kaurinkoski*)

Французская школа в Афинах,
Греция / Институт европейской
и сравнительной
средиземноморской этнологии,
Экс-ан-Прованс, Франция
karrinko@otenet.gr

ми на румейском диалекте); два (Старый Крым 2003, Гранитное 2004, 2005) — урумами (этническими греками, говорящими на тюркском диалекте). Часть полевой работы была проделана в рамках больших этнолингвистических экспедиций в сотрудничестве с К.В. Викторовой. В каждом населенном пункте было проведено по 50 интервью, главным образом с людьми, которые идентифицируют себя в качестве этнических греков.

Среди выбранных для полевых исследований поселений Ялта и Старый Крым являются полугородскими; Ялта также известна как излюбленное место туристов, тогда как Старый Крым находится рядом с Мариуполем и является одним из местных центров «Греческого движения» (см. далее). Малый Янисоль и Гранитное расположены дальше от Мариуполя; в этих поселениях взаимодействие с «Греческим движением» и контакты с новогреческим языком редки. Во всех населенных пунктах есть большие сегменты русского и украинского населения, но в Гранитном также живут крымские татары, которые начали там селиться в 1950-х гг. Изучение этого места представляет особый интерес из-за близости между языками, на которых говорят урумы и крымские татары. В целом выбор населенных пунктов является обоснованным и репрезентативным в том, что касается многообразия местных ситуаций.

Основные концепты, обсуждаемые в книге, — этничность и границы группы. Автор обращается к проблематике языка как маркера этнической группы, влиянию индивидуальной и групповой идентичности на языковую лояльность, а также к вопросу о переходе с языка на язык или сохранении языка.

Структурно книга поделена на семь глав, за которыми следует библиография и список использованных архивных источников. Автор использует главным образом литературу на русском, украинском и английском. Кроме того, она пользуется источниками на греческом и французском.

В первой главе определяется предмет исследования и задается теоретическая система координат. Автор критикует эссенциалистские и примордиалистские подходы, доминировавшие в советских и до недавнего времени в некоторых постсоветских этнологических исследованиях, и заявляет о своей приверженности конструктивистскому и социоллингвистическому подходу. Далее следует обзорная глава, посвященная истории и историографии азовских греков. Автор не задерживается на этногенезе азовских греков, по поводу которого отсутствуют надежные источники. Подобно большинству других современных исследователей, Баранова фокусируется на периоде после расселения крымских христиан в азовском регионе в конце XVIII в., что явилось следствием царской политики. На сегодня

нышний день большинство авторов согласны по поводу общего, в основном греческого происхождения поселившихся здесь крымских христиан (среди которых были также этнические валахи и грузины), несмотря на существование других гипотез о происхождении урумов.

В архивных источниках азовские греки впервые упоминаются в конце XVIII в. Автор показывает, что существует большое количество архивных материалов, охватывающих два конкретных периода: конец XVIII в., а также 1920–1930-е г. После периода «коренизации», целью которой было формирование местных элит внутри национальных меньшинств, «при просмотре архивных документов этого времени складывается впечатление, что в Приазовье греков (равно как и других этнических меньшинств) просто нет» (С. 4)! В исследовании конец 1980-х гг. отмечает «новое начало».

Автор отмечает, что в XIX и начале XX в. исследования, посвященные азовским грекам, осуществлялись главным образом представителями духовенства и чиновниками. Первые экспедиции, в рамках которых были проведены всесторонние полевые исследования, были предприняты в 1920–1930-е гг., в эпоху коренизации. С 1990 г. исследования данной группы осуществлялись главным образом историками и лингвистами Российской и Украинской академий наук; некоторые исследования делались учеными из греческих и других европейских университетов. В то время как на раннем этапе исследования проводились в ответ на запрос царской и советской администраций, нынешние исследования нередко связаны с панэллинистской риторикой. Приведенные выше наблюдения подсказывают, что исследования азовских греков в значительной степени являются ответом на политический запрос.

Автор показывает, как именовались и как классифицировались азовские греки царским режимом, советской властью и постсоветскими украинскими властями и как менялось их «имя» и официальные маркеры группы в соответствии с доминировавшей внутренней политикой государства. Основным этническим маркером в царской России являлась религия. В раннесоветский период религию заменил язык. После уничтожения образовательных учреждений на родном языке (для азовских греков образование на родном языке, румейском или урумском / татарском, закончилось в 1937 г.) язык утратил свою значимость в качестве этнического маркера и был сменен риторикой истоков или «крови». С этого момента и румеи, и урумы воспринимались как греки — административная категория, сохранявшая свою актуальность вплоть до распада Советского Союза и используемая до нынешнего времени, с той

разницей, что в отличие от советского украинский паспорт не упоминает этническую принадлежность своего владельца.

В третьей главе разговор идет о греческой диаспоре, идее пан-эллинизма, а также этническом возрождении азовских греков и их последующей миграции в Грецию. Здесь автор упоминает работы признанных греческих ученых, таких как Китромилидес и Китроев, а также двойственность греческой национальной идентичности (древняя Греция как колыбель европейской цивилизации и современная Греция как европейское государство). Говоря об этнических меньшинствах в Греции, Баранова пишет, что «на сегодняшний день можно выделить три разные группы этнических меньшинств с неодинаковыми правами и возможностями. Собственно этническими меньшинствами, обладающими особыми правами, признаются коренные группы населения; другую значимую группу составляют мигранты определенного времени (в первую очередь это те, кто обрел постоянное место жительства в результате греко-турецкого обмена населением по Лозаннскому договору 1923 г.); третья группа — недавние мигранты (группы, переехавшие в Грецию в поисках работы в последние десятилетия, преимущественно в 1990-е гг. из бывших республик СССР и стран Восточной Европы)» (С. 101).

Это высказывание не вполне ясно. Во-первых, мусульмане в Западной Фракии являются единственным *официально признанным меньшинством* в Греции. Это этнически и лингвистически разнородная группа, которая включает этнических турок, помаков и цыган. В рамках Лозаннского договора представители мусульманского меньшинства в Западной Фракии пользуются официально закрепленными правами меньшинства. Этнические турки есть и на Додеканесских островах (Кос и Родос). Они жили там с 1522 г. в качестве подданных Османской империи. Тем не менее в данном случае турецкие школы были закрыты в 1972 г. С этого времени все учащиеся начали посещать греческие школы. Другие автохтонные группы, такие как славомакедонцы, валахи, арваниты, евреи и пр., не признаны в качестве этнических меньшинств; официально они являются греками. Это касается и людей, прибывших в Грецию из Болгарии и Турции в результате обмена населением, состоявшегося в рамках договоров, заключенных в Нейи (1919) и Лозанне (1923). В этих случаях прибывшие в Грецию получали греческое же гражданство. Что касается недавних мигрантов, то, выражаясь антропологически, многие формируют этнические группы; некоторые также регистрируют ассоциации и признаются в качестве сообществ. Эти данные, конечно, не вполне относятся к мариупольским грекам, но более подробное описание ситуации меньшинств в Греции было бы уместно

и помогло бы читателю представить себе сложность ситуации этнических групп и смысл этнической принадлежности.

Повествование о процессе миграции этнических греков из бывшего Советского Союза в Грецию и его анализ основывается главным образом на существующей литературе (первой половины 2000-х гг.) и в меньшей степени на материалах интервью, которые проводил автор. У читателя складывается впечатление, что азовские (а также понтийские) греки в Греции страдают от разных форм дискриминации, работают на плохо оплачиваемых местах, а на их диалекты смотрят сверху вниз. Изначально ситуация для многих мигрантов была такова, но со временем она постепенно меняется, и на сегодняшний день картина представляется более пестрой. По сравнению с понтийскими греками, прибывшими в Грецию раньше, азовские греки являются малочисленной группой. Отношение к «советским грекам» в греческом обществе в целом также меняется; вообще говоря, сегодня «советские греки» являются группой, на которую с симпатией смотрит окружающее их греческое общество.

В третьей главе содержится также информация о «Греческом движении», которое на Украине олицетворяет Федерация греческих обществ Украины, организация, координирующая деятельность местных и региональных организаций. Федерация является неправительственной организацией «с голосом» и играет роль посредника между украинским государством, греческими властями и местным греческим населением, в частности в том, что касается языковой политики и преподавания греческого языка в местных школах.

В четвертой и пятой главах речь идет об этнической идентичности греко- и тюркоговорящих греков данного региона — румеев и урумов. Эти главы строятся на материалах оригинального социолингвистического и этнологического полевого исследования. В частности, автор анализирует восприятие «я» и «другого», а также разных диалектов и вариантов «греческого». Баранова анализирует их знание и оценку членами данной группы, а также украинским и греческим обществами. Федерация греческих обществ Украины играет важную роль в этих процессах, поскольку позиция движения является источником легитимности для немалой части местного греческого населения.

Шестая глава посвящена языковой ситуации азовского региона, а седьмая — языковой лояльности и уровню сохранения языка у двух исследуемых этнолингвистических групп. Не вызывают удивления слова автора о том, что русский считается наиболее важным языком региона и «из всех языков в При-

азовье только русский оценивается как необходимый» (С. 209). Украинский язык, обладающий статусом государственного на всей территории Украины, используется в официальной переписке со столицей. Украинский также становится все более популярным у молодых выпускников вузов. Новогреческий обладает престижем признанного в мире языка и символизирует связи между азовскими греками и Грецией, а также с греческой диаспорой во всем мире. Тем не менее немногие владеют этим языком. Даже рудиментарным знанием новогреческого обладают лишь те, кто живет или работает в Греции, и лишь небольшое число выпускников вузов.

Использование местных диалектов ограничено сферой устного общения. Некоторые писатели публикуют свои тексты на румейском и урумском и являются гордостью местного населения. Здесь Баранова предлагает читателю детальный анализ знания, использования и восприятия местных диалектов в зависимости от года рождения, половой принадлежности, социального статуса, места проживания или места рождения ее собеседников. Для местного населения «греческий» — этот родовой термин, обозначающий и новогреческий язык, и румейский, и урумский диалекты; в случае необходимости *ad hoc* могут вводиться уточнения. Как указывает автор, с точки зрения населения, логика проста: если в качестве народа они являются греками, то их языком также должен быть греческий.

Одним из наиболее интересных и оригинальных аспектов книги представляется анализ ситуации румеев и урумов на постсоветском пространстве (начиная с 1990 г.). Автор полагает, что под влиянием греческого Министерства иностранных дел и (как следствие этого) после вмешательства Федерации греческих обществ Украины были проведены четкие различия между этническими греками, говорящими на румейском, и теми, кто использует тюркский диалект. Вследствие того, что они считают направленной против них дискриминацией, некоторые представители урумской элиты начинают смотреть в сторону Турции. Заметен рост интереса к турецкому языку, доступному благодаря спутниковому турецкому телевидению. На протяжении последних пятнадцати лет турецкие лингвисты посещают данный регион. Недавно один из жителей Старого Крыма защитил магистерскую работу, в которой утверждается, что урумы и румей являются разными народами.

Между тем недавний интерес к Турции и турецкому языку затрагивает лишь незначительное меньшинство. Для большинства азовских греков Греция, Россия и Украина остаются главными странами, с которыми они себя идентифицируют. За эти годы Федерация греческих обществ Украины вырабатывала

позицию по отношению к местному греческому населению; на сегодняшний день она пытается стать независимым игроком, иногда поддерживая, а иногда выступая против линии греческого Министерства иностранных дел.

Как показывает Баранова и в противоположность тому, что отмечали другие исследователи, работавшие с постсоветской греческой диаспорой в некоторых других регионах, например в России и Грузии, в азовском регионе тюркоговорящие греки не воспринимают свой язык как «язык врага». До недавнего времени многие другие темы, являющиеся центральными для панэллинистского дискурса (в частности, антагонизм по отношению к Турции и турецкому миру), оставались чуждыми мариупольским грекам.

Что касается миграции в Грецию, Баранова делает верный вывод о том, что массовая репатриация азовских греков не состоялась. Со второй половины 1990-х гг., совпавшей с переменами в политике репатриации, проводившейся Грецией по отношению к восточно-европейской диаспоре, в азовском регионе акцент ставился на специфичности азовских греков как особой этнической группы, нацеленной на создание и развитие своей культуры вне пределов Греции и Кипра. В данном случае мариупольские греки пошли по иному пути, чем греки понтийские, которые в подавляющем большинстве решили переселиться на «историческую родину».

Более того, автор пишет, что для других греческих групп в России, Узбекистане, Армении и т.д. причинами переселения в Грецию стали причины главным образом экономические. Мои полевые исследования у понтийских греков из бывшего СССР в Афинах, Фракии и на Кипре свидетельствуют, что имели место и другие причины, в частности ностальгия (тоска по родине) и воссоединение семей. В случае грузинских греков, прибывших в Грецию в первой половине 1990-х гг., мы можем также говорить о вынужденной миграции. Среди понтийских греков решение переезжать в Грецию часто принималось патриархальным образом, результатом чего становился отъезд целых семей (двух-трех поколений) после продажи собственности в их родной стране. Экономические соображения играли важную роль, но когда внимательно изучаешь индивидуальные случаи, становится очевидно, что они были не единственными и не всегда наиболее значимыми.

В заключение Баранова отмечает, что ее информанты считают себя принадлежащими к группе азовских греков; они сознают близость между урумами и румеями и отличают себя от негреческого населения. Внутри группы язык является главным (но не единственным) маркером, отличающим урумов от руме-

ев. Контакты с Грецией и политика Федерации греческих обществ Украины играют важную роль в поддержании идеи принадлежности к греческой диаспоре. Параллельно существует также стремление подчеркивать специфичность группы. «В составе общегреческого единства мариупольские греки образуют так называемую иерархию греческости, признаваемую всеми группами: настоящие греки — румеи — урумы; стремление к автономии особенно характерно для урумов, среди которых распространяются этногенетические мифы, обосновывающие иную природу группы, и актуализируются связи с другими тюркоязычными сообществами» (С. 261).

Автор также подчеркивает тот факт, что религия не воспринимается в качестве важного этнического маркера. В этом контексте ситуация в Гранитном, где живут крымские татары, чей язык связан с языком местных урумов, но которые исповедуют ислам, представлена в качестве исключения для данного правила. «Так, например, христианская вера урумов стала наиболее значимым признаком в поселке Гранитное с момента появления там крымских татар и нашла воплощение в рассказах о выборе “язык или вера”, воспринятых из публицистического дискурса» (С. 205). Опираясь на свои полевые исследования среди азовских греков, которые я проводила в Мариуполе, Сартане и Старом Крыму (1993–1994, 1997, 2003), я не соглашусь с тезисом о том, что религия не воспринимается в качестве важного этнического маркера. Религия (на уровне риторики, проведения религиозных ритуалов или истолкования прошлого) была отчетливо представлена в речи моих собеседников.

Книга Влады Барановой является весьма ценным дополнением к исследованиям, посвященным постсоветским греческим диаспорам. Предмет исследования точно определен; книга хорошо структурирована, написана четко и кратко. Выстроен разумный баланс между письменными источниками, полевыми материалами, теоретическими соображениями и анализом. Книга в целом или ее фрагменты заслуживают публикации на других языках, например на греческом или английском, чтобы они были доступны ученым, политикам и практикам, не читающим по-русски.

Кира Кауринкоски

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума